

Э. С. Алпатова (Набережные Челны, ИЭУиП). **Ситуация в банковском секторе развитых и развивающихся стран Европы и Азии.**

Основные показатели развития банковского сектора большинства развитых и развивающихся стран демонстрировали в 2005–2006 гг. положительную динамику, что отражает позитивные изменения в экономике этих стран (в области темпов экономического роста, занятости, доходности банковских операций). Вместе с тем, по ряду показателей, например, достаточности капитала, ситуация в развивающихся странах и странах с переходной экономикой не столь оптимистична.

За 2005 г. в большинстве стран с переходной экономикой отмечалось снижение показателя достаточности капитала (отношение капитала к активам, взвешенным с учетом риска). Так, например, в России этот коэффициент снизился с 17% до 16,4%, Чехии — с 12,6% до 11,9%, Эстонии — с 13,4% до 12,1%, Латвии — с 11,7% до 10,7%, Литве — с 12,3% до 10,5%, Словакии — с 18,6% до 15,9%, Украине — с 16,8% до 15%. Такая тенденция связана с тем, что банки этих стран увеличивают рискованные активные операции, прежде всего, кредитные, при этом темпы инвестиций в банковский сектор отстают от увеличения банковских рисков.

В ряде развитых стран (Австрия, Бельгия, Финляндия, Франция, Ирландия, Норвегия, Швейцария, Великобритания) отмечалось небольшое снижение показателя достаточности капитала, в других ведущих западных странах (Германия, Япония, Италия) капитальная база увеличивалась.

Важнейшим показателем, характеризующим ситуацию в банковском секторе, является также удельный вес безнадежной ссудной задолженности в общем объеме кредитов. В Азии высокий уровень безнадежных кредитов наблюдается в Бангладеш (15,3%), Филиппинах (20,6%), Таиланде (11,1%), Иордании (13,6%). Китаю удалось за последние годы существенно улучшить этот показатель. Так, если в 2001 г. безнадежных кредитов было 29,8%, в 2004 г. — 15,6%, то в 2005 г. — уже 10,5%. Уменьшался в последние годы этот показатель и в Индии (в 2005 г. — 5,2%).

Уровень безнадежной ссудной задолженности в банковском секторе ряда стран с переходной экономикой приближается к 10% или выше, что является достаточно тревожным сигналом. Например, в Болгарии этот показатель составлял 8%, Венгрии — 10,5%, Сербии и Черногории — 19,8%, Украине — 19,6%, Азербайджане — 7,2%, Казахстане — 11,7%. В России доля неработающих активов в последние годы неуклонно снижалась (2001 г. — 6,2%, 2003 г. — 5%, 2005 г. — 3,4%).

В большинстве развитых стран уровень безнадежной ссудной задолженности в последнее время уменьшился. Наибольшие показатели наблюдались в Италии (6,3%), Греции (7,5%), Германии (5,1%). В Великобритании этот показатель составил всего 1,9%, Японии — 2,4%.

По показателю доходности активов (ROA) лидируют развивающиеся страны, поскольку в них более высокие банковские риски сочетаются и с более высокой доходностью по банковским операциям: свыше 1%, а во многих странах — 2–3%. В странах с переходной экономикой по показателю ROA лидерами являются Молдавия (3,2%), Румыния (2,7%), Россия (2,6%), Венгрия (2,5%), Латвия (2,2%), Болгария (2,2%). Для сравнения: в большинстве развитых стран доходность активов меньше 1%. Исключения — Исландия (1,8%), Норвегия (1,3%). В Азии наиболее эффективный банковский сектор имеют Кувейт (3,2%), Саудовская Аравия (3,5%), ОАЭ (2,1%). Наименее эффективные банковские сектора: Германии (0,2%), Франции (0,5%), Греции (0,5%), Люксембурга (0,5%) и Нидерландов (0,5%) [2, с. 31].

Долю просроченной ссудной задолженности в кредитных портфелях банков обычно называют *основным индикатором грядущего кризиса*. При этом в сегменте кредитов физическим лицам просрочки растут более быстрыми темпами. Так, согласно данным ЦБ РФ, средний уровень просроченной задолженности по всем кредитам, выданным тридцатью крупнейшими банками, увеличился в 1,76 раза. Рост просрочки — большей частью следствие бурного развития рынка потребительского

кредитования.

С одной стороны, доля просрочек по банковской системе в целом находится на приемлемом уровне (1,42% на 1 декабря 2006 г.) и не внушает опасений. С другой стороны, доля реальных просрочек намного выше, просто банки прячут их в других статьях отчетности. В особенности высока просроченная задолженность в сегменте потребительского кредитования, где ее реальная доля доходит до 15–20% [1, с. 64].

Опыт кризисов плохих долгов в развивающихся странах свидетельствует о том, что все кризисные события проходят примерно по одному и тому же сценарию. После нескольких лет относительной макроэкономической стабильности и экономического роста в стране разворачивается бум потребительского кредитования. Банки, стремясь удовлетворить растущий спрос на заемные средства, начинают наращивать объемы кредитов, пренебрегая оценкой рисков и не слишком заботясь о качестве кредитных портфелей. В некоторых случаях, в частности, как это происходит сейчас в России, банки компенсируют высокие риски кредитования за счет высоких процентных ставок. Эффективные ставки, которые наши банки прячут в различные комиссии, сейчас нередко достигают 50% годовых и даже больше.

Все традиционно рассматриваемые индикаторы кризиса плохих долгов свидетельствуют о том, что нашей банковской системе он в ближайшее время не угрожает. Доля банковских активов в ВВП составляет более 50%, при этом доля всех кредитов в ВВП — 30%, а кредитов населению — всего лишь 8%. Для сравнения: в Южной Корее доля только беззалоговых кредитов частному сектору перед кризисом превышала половину валового внутреннего продукта.

В последние десятилетия финансовые и банковские кризисы в отдельных странах и регионах мира становятся все более частыми и глубокими. С конца 70-х гг. более 130 государств испытали в той или иной мере кризисы или серьезные проблемы в банковском секторе. Финансовые потери по отдельным странам в результате каждого из этих катаклизмов составили в среднем около 12% ВВП, а в Индонезии, Южной Корее и Малайзии превысили 40% [3, с. 27]. В последние годы мировая экономика оправилась от последствий кризисов конца 90-х гг., в том числе наиболее разрушительного азиатского.

В связи с этим особое внимание уделяется оценке целесообразности и способам государственного вмешательства в деятельность данной сферы. Допустимыми и целесообразными формами, в которых может осуществляться государственное вмешательство, признаны: 1) срочная помощь в восстановлении ликвидности, оказываемая центральным банком страны как последним кредитором в критической ситуации; 2) формирование фондов страхования депозитов для защиты вкладчиков от банкротства банков; 3) установление обязательных требований платежеспособности и других нормативов регулирования; 4) создание систем надзора с функциями мониторинга деятельности банков и закрытия тех, которые не выполняют принятые условия регулирования.

В докладе, представленном данным сообщением, рассмотрены математические модели, позволяющие получать оценки целесообразности государственного вмешательства в одной из перечисленных форм и некоторых их комбинаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Велиева И.* Призраки кризиса. — Эксперт, 2007, № 10, с. 60–66.
2. *Воронин Д. В.* Тенденции и перспективы развития мировой экономики и банковского сектора. — Банковское дело, 2007, № 1, с. 29–31.
3. *Роше Ж.-Ш.* Почему так много банковских кризисов? — Проблемы теории и практики управления, 2005, № 2, с. 27–31.